

З.Е. Кабульдинов¹, А.Р. Бейсембаева^{2*}

¹Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан;

²Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: read_and_read@mail.ru, kabulzia@rambler.ru)

Некоторые аспекты из жизни и деятельности хана Уали

С именем Уали хана, преемником Абылай хана, связана целая эпоха истории Казахстана. Он стал последним правителем Среднего жуза, официально признанным как Российской, так и Китайской империями. Личность Уали хана представляет большой интерес для науки. К сожалению, в настоящее время жизнь и деятельность Уали хана в имеющейся научной литературе отражена лишь отдельными эпизодами и фрагментами. Все известные работы о правителе носят эпизодический, фрагментарный и в большей степени статейный характер. Данная проблема в отечественной исторической науке слабо изучена и требует заполнения «белых пятен». Среди ученых страны все еще преобладает мнение о личной слабости и некомпетентности последнего хана Среднего жуза, якобы он был не способным проявить лидерские и военные качества, виртуозность оратора и дипломата. Однако некоторые малоизвестные факты из жизни Уали позволяют увидеть не столь одноплановый образ правителя. В настоящей статье авторы предприняли попытку пересмотреть и дополнить некоторые аспекты из жизни и деятельности Уали хана, опираясь на новые архивные источники. В связи с появлением и изучением новых исторических источников стали достоянием народа ранее неизвестные факты об этой неоднозначной исторической личности. В качестве источников авторы использовали архивные материалы, в том числе и рассекреченные в 2018–2019 гг.

Ключевые слова: Абылай хан, Уали хан, Средний жуз, история Казахстана, XVIII век, султаны, Российская империя, Цинская империя, дипломатия.

Введение

В плеяде государственных деятелей Казахстана XVIII–XIX веков известной, но до сих пор недооцененной личностью в исторической науке является хан Уали. Правитель Среднего жуза, умело продолжал политику лавирования своего отца между Российской и Цинской империями. Он, в условиях сложного и противоречивого исторического периода конца XVIII – начала XIX столетий, смог на некоторое время сохранить достигнутые Абылай ханом позиции. Время правления Уали хана застали два императора Российской империи — Екатерина II и Павел I Петрович, также в период его правления сменилось два императора в Цинской империи — Айсиньгёро Хунли и Айсиньгёро Юньян. По отношению к уже несколько ослабевшему, в продолжительной борьбе за принудительно изымаемые традиционные места кочеваний, Казахскому ханству осуществлялась «доброжелательная» политика некоторого «задабривания» и мнимого невмешательства. В то же время нельзя не признать, что период правления Уали не был сопряжен колоссальным внешним давлением, как это было во времена Абылая. Если в свое время Абылай находился в прочном союзе с Султанамет султаном, создав с ним мощный военно-политический альянс, направленный на попытку возрождения единого Казахского государства, то Уали действовал в непростых геополитических условиях: во-первых, в ноябре 1794 г. не стало его престарелого дяди — Султанамета и прииртышские казахи стали отходить от Аблаевичей, вплоть до требований напрямую подчиняться русской императрице Екатерине II. Во-вторых, заметно ослабли связи со Старшим жузом, а Младший жуз на глазах одного поколения стал объектом пристального и небывалого прессинга империи: еще в 1749 г. Российской империи удалось принять присягу Нуралы на коленях, чего практически не было в традиции джучидов. Но благодаря своим дипломатическим и иным человеческим качествам ему все же удалось почти на 40 лет отсрочить ликвидацию института ханской власти в Среднем жузе, предпринимая всевозможные шаги для упрочения и закрепления власти за потомками.

* Корреспондент автор. E-mail: kabulzia@rambler.ru (А.Р. Бейсембаева)

Материалы и методы

Значительная часть фактического и аналитического материалов получена из архивных источников, в том числе рассекреченных в 2018–2019 гг. Большую часть исторических источников составляют архивные документы, представленные в виде рапортов, указов, докладов, очерков, писем и других документов. К примеру, фонды Исторического архива Омской области хранят большой массив информации, касающейся темы нашего исследования. На основании данных материалов авторы попытались несколько реконструировать эпоху правления Уали, используя такие методы, как логический и сравнительный.

Результаты

Уали (в различных источниках он также известен, как Ували, Вали, Валий, Валлий, султан Вали, Уали Суртонг, Уали салтан, Вали хан, Уали хан) родился на территории Северного Казахстана, предположительно в 1741 г. Уали был старшим сыном Абылай хана и Сайман ханым, второй жены, дочери каракалпакского бека Сагендек-Чувакбая. Согласно генеалогической таблице казахских ханов и султанов, собранных Ч.Ч. Валихановым, Уали — потомок Жангир хана в шестом поколении [1, с. 176]. У султана Уали (в дальнейшем хана) была большая семья, которой являлись его две жены и 14 сыновей. От старшей жены родилось пять сыновей, от младшей — девять [2, с. 129]. Младшая жена Уали хана — Айганым (1783–1853) — внучка известного в степи Саргалдака, была очень образованной для своего времени женщиной. Она интересовалась русской культурой, также владела несколькими восточными языками [3, с. 121].

С ранних лет он был воспитан на личном примере своего могущественного и влиятельного отца, воистину волевой и сильной личности. Он получил разностороннее образование как сын правителя, наследник и воин, знал множество языков, грамоту, владел различными видами оружия. Уали рос в окружении большой, сплоченной семьи и верных соратников отца. Историческая действительность, в которой жил Уали, также имела важную роль в формировании и закалке характера исследуемой личности. Известный ученый Е. Бекмаханов связывал с именами ханов Уали, Нуралы и Кенесары Касымулы вторую половину XVIII – первую половину XIX веков в статье «Об основных вопросах периодизации истории Казахстана» [4, с. 40].

Одними из первых известных на сегодняшний день сведений о султанине Уали являются некоторые упоминания о том, что он оказывал помощь отцу в формировании военных отрядов для усмирения Ташкента [5, с. 143]. Есть ценные данные об его участии в походах против Джунгарского и Среднеазиатских ханств, а также о его появлении при дворе Цинской империи в 1760-х гг. [6, с. 316]. Так, к примеру, в 1769 г. Уали султан в сопровождении 15 верных соратников Абылай хана впервые выехал в Цинскую империю: по свидетельству китайских источников посольство прибыло в столицу 1 мая 1769 г. Данное посольство имело огромное политическое значение: на приемах Уали султан располагался рядом с представителями монгольской аристократии. В честь визита Уали султана император Цинской империи Айсиньгёро Хунли посвятил стихотворение, что свидетельствует о придании особого значения встрече с этим непростым представителем степной аристократии [5, с. 155]. Среди новых документов подтвердилось участие Уали султана в известном событии истории Казахстана как «Пыльный поход», войне с волжскими калмыками. Из перевода его писем в адрес командующего Сибирского корпуса генерал-майора С.К. Станиславского от 21 мая 1771 г. мы имеем задокументированное подтверждение его участия в исторических событиях: «А отправился в поход навстречу вольским калмыкам. Ибо те калмыки следование очень недалеко наших улусов имеют, и действительно находятца за Ишимом-рекою на реке ж, называемой Нура» [7, с. 393].

Уали султан фигурирует в официальной переписке с представителями Российской империи, начиная с 1770-х г. Многие примеры из писем, обращений, уведомлений и запросов свидетельствуют о том, что Абылай постепенно привлекал сына к искусству ведения дипломатических переговоров. С юных лет Абылай приучал своих сыновей к будущим сложным политическим и дипломатическим перипетиям: в период отсутствия Абылая старшие сыновья преспокойно ведали текущими хозяйственными и иными вопросами. Абылай хан часто привлекал своего старшего сына к вопросам внешних связей, к примеру, отправляя того же Уали султана в составе посольства с важными международными дипломатическими миссиями в Китай и Россию. Уали хан вел переписку и с правителями среднеазиатских ханств, с ханами и султанами Младшего жуза [5, с. 150].

Судя по новым архивным материалам, Уали султан активно вел дипломатическую переписку с представителями царской власти. Так, султан выступает как рьяный защитник интересов простого народа, обращая внимание российской администрации на факты кражи лошадей у казахов и воровства домашней утвари. К примеру, из перевода писем Абылай хана и Уали султана командирующему Петропавловской крепости полковнику А.Корфу, датированных 2 октября 1771 г., говорится о регулярном воровстве лошадей жителями пограничных линий у степняков: «При сем я объявляю, а ко мне по прозьбе Байжигит-мурзы брата Жидигара донесено, что у него пропало собственных лошадей с пятьдесят, а по видимости, что оные лошади отогнаны российскими людьми, которые старшиною Байжигит-мурзою и требованы от стороны вашей были. То на требование и выдано было десять, в том числе из жеребят и лоншаков. А остальные тридцать четыре лошади прошу с посланным от меня киргисцом, отыскав, и выдать. А как нам известно, что те лошади находятся в крепости Святого Петра, то больше их и искать негде» [8, с. 146]. Еще один подобный пример из письма от 9 июня 1774 году: «От моих подвластных киргизцов никакого на Россию злаго намерения не было. А моим подвластным киргизцам от России обид много чинено было. Как то у киргизца Аккусуна табунщиков восемь человек убили и табуны отогнали, и с коих пятьсот тритцать лошадей чрез старания вашего высокородия получили, а еще осталась тысяча семьсот лошадей. О коих покорнейше прошу вашего высокородия приложить свое отысканием старание. То ж и о табунщиках, естли они живы то живых, а естли убиты, хотя тела их к нам выслать. А виновных, коих тех лошадей отогнали и людей наших убили, воров сыскать, и к нам по соседству и дружбе своей пожаловать прислать. Что ж принадлежит до приносимых от киргизцов к России шалостей и обид, то оное чинят не мои подвластные киргизцы, а другие» [9, с. 672]. Тщательный анализ писем султана в адрес региональных властей дает нам возможность сделать важный вывод о том, что Уали стремился поддерживать и сохранять добрососедские отношения с Российской империей. По сведениям писаря Ягуда Усманова, находившегося при Абылай хане, Уали был уважаемым и почитаемым человеком у всего населения Среднего жуза. Писарем было так же подмечено, что сыновья Абылая — султаны Уали и Чингиз, а также Дат-батыр для правителя «первые любимцы и во всех делах верные советники» [10, с. 12].

Весьма интересным является выдержка из письма, датированного 27 января 1781 года («Из сказки писаря мишаря Ягуды Усманова о взаимоотношениях хана Аблая с кыргызами»): «Уали султана «всею ордою почитают и в случае Аблаевой смерти на ханство его прочат» [11, с. 13]. Из данного источника видно, что Ягуда Усманов характеризовал Уали султана как разумного, усердного и доброжелательного человека, имевшего многие хорошие качества. Не будем забывать, что претендентов на ханский престол после кончины Абылая окажется немало: Султанмамат, Урус, Абулфеис, Касым и другие.

В архивных материалах имеется ценная информация по трагичному событию, когда умер хан Абылай, опора большого семейства и казахов всех трех жузов. Однако обстоятельства и точное время смерти хана до сих пор оставляет много вопросов. Доподлинно известно, что Абылай хан был похоронен в мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави в городе Туркестане. В то же время Оренбургская губернская канцелярия и генералитет Сибирских пограничных линий организовали специальное расследование. Главным образом их действия были направлены на выяснение возникшего у них вопроса, что знают «киргизцы» об обстоятельствах пребывания Абылая в районе Туркестана и его кончины. Генерал-майор Н.Г. Огарев в своем рапорте от 21 марта 1781 г. сообщал в Государственную коллегию иностранных дел следующее: «Киргис-кайсацкой Средней орды верной старшина Кулебак-батыр, кочующей Новой линии против крепости Святого Петра, ко мне 20 марта пишет, што той орды хан, находясь в Ташкении, умер, которого, уверят, ташкенцы окормили ядом, о чем той крепости и комендант бригадир и кавалер Сумороков доносит по объявлению к нему находящегося в той же крепости омского купца Захара Пеньевскова...» [12, с. 56, 57]. Также другими осведомителями Н.Г. Огареву было доложено о том, что брат Уали — Чингис султан запретил распространяться о случившемся до созываемого на летнее время собрания. Возможно, это было предпринято для предотвращения вмешательства Российской империи в процесс избрания нового хана по традициям степного права. Из архивных источников мы видим, что Уали султан планировал предстать на международном арена уже в качестве полноправного и общеказахского властителя. Наследники Абылай хана проводили дальновидную политику, в результате которой сами империи конкурировали между собой в скорости выдачи собственного патента на правление новоизбранного хана.

К тому времени фактически вся степь готовилась к избранию нового хана. Рассматривались различные варианты кандидатур. В числе претендентов на ханский трон были султаны Уали, Даир, Абулфеис, Касым и Султанмаммет [13, с. 52].

В источниках по истории Казахстана времен Абылая и Уали часто встречаются ценные сведения об одном из влиятельнейших людей степи, ближайшем соратнике и двоюродном брате Абылая — Султанмаммет султанине. Султан со своими сыновьями принял участие в выборах и поддержал кандидатуру Уали. Вот как описывает выборы верховного казахского хана уфимский и симбирский наместник И. Якоби в рапорте, отправленном в Государственную коллегия иностранных дел: «... И хотя при том выборе не оставлено рассуждать о праве наследия и других солтанов из ханских фамилий, яко то о Таир-солтане Бараковской фамилии, о Солтамамет-солтане Валиевской фамилии (от которого был и Аблай-хан), а также и о Абулфяиз-солтане Большой орды Абулмамметевской фамилии, причем из них первый двоя сами, а от последнего дети присланы были, однако все они от принятия ханского достоинства отреклись, а согласно приговорили чтобы быть ханом помянутому Вали-солтану» [14, с. 106].

По некоторым сведениям, в декабре 1781 г. в ауле Ханбаба-султана была проведена обрядовая часть избрания хана, церемонии уходящей корнями в глубину веков. При многочисленных султанах и биях Уали султана признали достойнейшим, провозгласив своим ханом, и подняли согласно традициям на белой кошме [15, с. 106].

Информацию о внутривнутриполитическом положении в Казахстане степняки старались не выдавать, не считая нужным в данный момент оповещать Российскую императрицу. Представители колониальной администрации тщательно отслеживали любые изменения и находили достоверные источники в самой Степи. К примеру, для подтверждения просачивавшихся слухов Н.Г. Огарев обращался «о сем верной и отменно усердной российской стороне» старшине Кулебак-батыру, который переписывался с Урус-султаном, который присутствовал на поминках Абылай хана [16, с. 16]. Вот что мы видим из рапорта генерал-майора Н.Г. Огарева генерал-губернатору Уфимской и Симбирской губерний генерал-поручику И.В. Якоби об избрании Вали-султана ханом Среднего жуза: «Я имел честь доносить, што по слухам происходящим, на ханское достоинство избран умершова Аблай-хана сын Вали-салтан. А на сих днях, посланной от меня нарочно для узнания о сем верной и неотменно усердной российской стороне старшина Кулебак-батырь, возвратясь, уверил меня, также бывшей на поминках тово хана, Урус-салтан пишет, што действительно собравшимися на тех поминках салтанами и старшинами по общему всего их народа согласию, особливо ево, хана, свойственниками назначен на ханское достоинство он, Вали-салтан, но от него о том никакова сведения не имею» [16, с. 16]. Колониальная администрация засылали в кочевья Среднего жуза также и башкирского старшину Казаккула Казанбаева из Троицкой крепости. Как свидетельствуют его «объявления» в Оренбургскую губернскую канцелярию: «На место-де его, Аблая, всем киргис-кайсацким Средней орды народом на ханство выбран большей его сын Вали-солтан, к которому все киргисцы в разсуждении его отменных качеств и хорошаго поведения большую привязанность имеют и под начальством его навсегда быть желают» [17, с. 151].

Известно, что Российская империя особое внимание уделяла расширению своего влияния в Степи. Империя собирала разнородные данные, в том числе, какие политические изменения происходили в Казахских ханствах. Как свидетельствуют материалы, представители колониальной администрации были обеспокоены доходившими из Степи слухами, в связи с чем разными способами искали наиболее достоверную информацию.

Земли Среднего и Старшего жузов были разделены между сыновьями Абылай хана. Количество подданных Уали хана в Среднем жузе достигало 169400 семей, входивших в составы 99 отделений [17, с. 411]. Российская колониальная администрация особое внимание уделяла Среднему жузу: «Находящаяся против Сибирской и Оренбургской линий Средняя киргис-кайсацкая орда есть та, которая более всех прочих орд внимания достойна. 1-е, — по связи родства умершего Аблай-солтана (отца нынешнего владельца Вали-хана) осталось довольное число сыновей, кои по разделу получили в свое владение: вся Средняя орда досталась сыну его вышепомянутому Вали-хану, а другой — Адиль-султан, получил в свое владение великую часть Большой орды, а прочие при них по уделам» [18, с. 2–13]. Уали султан унаследовал ханский титул и власть над казахами Среднего жуза. Поддержка семьи и непререкаемый авторитет Абылай хана сыграли решающую роль в избрании тысячами представителей различных казахских родов своим ханом — Уали султана.

Имперская администрация не упускала случая усилить свое влияние в глубь пограничных линий. Известны сообщения генерал-майора Н.Г. Огарева генерал-майору князю М.А. Хвабулову. Особый интерес вызывают у историков такие моменты в переписке с Уали султаном как: «Так ныне и впредь навсегда пребываю к вам непременно моею дружбою и о всем в угодность вашу, што только потребно и о чем ваша нужда состоять будет старатца не оставлю, почему и прошу вас всегда о том ко мне писать» [17, с. 148]. При этом Н.Г. Огарев отмечал: «Я, сочтя сие за нужное к дальнейшему приласканию его к здешней стороне, а напротив того, не подать бы ему отказом иногда повода к неудовольствию, дал оному знать, есть ли необходимо он намерен нарошнова послать, то б онова прислал в крепость Св. Петра» [17, с. 149]. В связи с этим многократно делались запросы в Государственную коллегия иностранных дел: со стороны империи мы наблюдаем стремление расположить Уали хана к Российской империи и выгадать время для разработки новых политических ходов для расширения своего влияния.

В начале 1782 г. Уали хан направился в Петропавловскую крепость [19, с. 173]. В Полном собрании законов Российской империи сохранен приказ под номером 15.352 от 25 февраля 1782 г. В документе приводятся данные об утверждении Уали султана ханом Среднего жуза: «... въ оказание Императорского Нашего к нему удовольствия, за благо и за справедливо почли удостоить его Императорской Нашей конфирмации в приобретенном им вновь Ханском достоинстве, и в следствие того, по установленному обыкновению, повелели дать ему и приличные на Ханство знаки, как то: жалованную грамоту за императорскою Нашею печатью, саблю с надписью, шубу соболью и шапку черной лисицы» [20, с. 406]. Надпись на сабле была следующего содержания: «... сабля с следующей на ней насечкою золотыми литерами, на одной стороне — на русском, а на другой — на татарском языке: «Божиею милостию Екатерина Вторая, императрица и самодержица Всероссийская, жалует сею саблею подданнаго своего хана (Валия) киргис-кайсацкой (Средней) орды при утверждении ево в сие достоинство...». В приказе упоминают о постройке мечетей «для Богослужения сего народа на границах, прилегающих к кочевью средней Киргиз-Кайсацкой орды, мечети, выбрав к тому удобные места, по усмотрению и назначению отправляющаго должность Нашего Уфимскаго и Симбирскаго Генерал-Губернатора, Генераль-Поручика и Кавалера Якобия» [20, с. 406]. Не упуская удобного случая, Российская империя проводит очередную попытку укрепления своего присутствия на территории Среднего жуза.

Политика русской колониальной администрации в последующие годы заметно усиливалась, однозначно направленная на дискредитацию власти чингизидов и всего института ханской власти. И подобная стратегия, проецируемая на изменяющуюся внутривластную ситуацию, сделала свое дело: Уали хан стал последним правителем Среднего жуза, как говорилось выше, признанный двумя империями.

На наш взгляд, взаимоотношения хана с Цинской империей в этот период были несколько иные. Абылай в предшествующие года представлял своего сына императорскому двору Цинов. Уали хан посещал раньше столицу Цинской империи в составе различных дипломатических миссий, которые снаряжал Абылай хан. Есть предположение, что это было сделано, в том числе и для положительного, доброжелательного отношения в дальнейшем к Уали в качестве следующего правителя. В июле 1781 г. цинский император Цяньлун прислал хану Среднего жуза Уали грамоту с соболезнованиями по поводу кончины его отца. Весьма характерен пример из этого документа, раскрывающий некоторые грани личности Уали: «Ты приезжал раньше в столицу, был представлен нам на аудиенции и имеешь знаки нашего благоволения. К тому же ты являешься старшим сыном своего отца, о том, что ты имеешь все данные для управления своим народом, нам хорошо известно» [21, с. 31]. Таким образом, Цинская империя однозначно признавала законного правителя Среднего жуза. На официальную церемонию избрания хана от Цинской империи прибыло солидное посольство, состоявшее из 300 человек с многочисленными и богатыми подарками [22, с. 9].

Таким образом, мы видим, что Уали хан в начале его официального правления добился признания своей власти в двух империях — Цинской и Российской, по примеру Абылай хана, поддерживая связь с обеими, что в немалой степени демонстрировало его стремление продолжать многовекторную и независимую политику лавирования своего отца.

Дипломатические усилия китайских властей по «переманиванию» казахов на свою сторону, обещая ханам и султанам титулы, подарки, а то и нередко — земли для кочевания достигали своей цели. В этом отношении весьма поучителен случай с Уали ханом, который в 1785 г. вел переговоры с

Китаем о возможности перекочевки в его пределы и в связи с этим пытался найти формальный повод для разрыва с царизмом [23, с. 221].

В архивных источниках в 1785 г. отмечается небывалая засуха на территориях, подвластных Уали хану. Тогда в ноябре месяце того же года на имя командующего линиями генерал-майора Федцова от Уали хана поступила неожиданная для царизма и довольно редкая для того времени просьба «о пропущении в жилую сторону на двестиверстное расстояние от линии наших табунов, в числе девяносто тысяч лошадей...» [24, с. 217]. Со стороны Федцова появилось некоторое подозрение в том, что «такое ево Вали хана в первый раз еще требование столь большим вдруг количеством лошадей подают сомнение, не кроется ли под тем такого умыслу, что если не удовлетворится ево прозба, то бы войти с какой-нибудь стороны в претензию и явно объявить от России свое неудовольствие» [24, с. 217]. Позднее его подозрения подтвердились, когда царизму удалось через российских купцов разведать, что Уали хан принимал в это время китайских послов и, кроме того, посылал своего младшего брата Касыма султана с письмом в китайские пределы [25, с. 84].

Кстати, наши доводы подкрепляются и мнением одного из авторитетных исследователей нового времени Ж.К. Касымбаева: «... уже в 70-х гг. XVIII столетия возник вопрос о разрешении перекочевки казахов за линию, где тогда было много свободных земель, принадлежавших номадам. Решение этого вопроса в пользу кочующих родов было связано также и русско-китайским соперничеством за влияние среди них (*казахов*. — Авт.). Дело в том, что китайские власти, преследуя свои цели, «также стремились установить торговые и иные связи с казахами...» [26, с. 73]. Российская и Цинская империи пытались привлечь хана своим благожелательным отношением.

По свидетельствам генерал-поручика А.И. Апухтина, в 1783 г. спокойствие в Среднем жузе, в отличие от состояния Младшего жуза, обеспечивали хорошее и правосудное управление хана, султанов, биев и старшин: «... В каковом положении в разсуждении спокойства по границе сибирских линий находится сия орда и поныне, ибо не было оттуда донесений, чтобы там произошли от киргискайкак какия-либо чрезвычайныя дерзости» [27, с. 38].

Для реализации колониальной политики — спокойствие Степи было невыгодным царизму. В связи с этим царизм принимал всевозможные меры по нагнетанию обстановки и поощряя междоусобицы, желая вызвать разногласия. Известно, что лояльный российской стороне батыр Кулсара запрашивал у колониальной администрации средства: «Для их приласкания и показания как доброжелательство их в рассуждении приемлетца, казенных вещей, каждому на 100 рублей. А выдачу произвести «таким искусным образом, чтоб о том в их Орде разгласитца не могло» [28, с. 216].

За Уали ханом вели негласное тайное наблюдение, что было частой практикой местной колониальной администрации. К нему был приставлен переводчик — мещеряцкий сотник Мавлютов. Известно, что и Абылай, и Уали все-таки выявляли приставленных наблюдателей в своем окружении, и об этом свидетельствуют источники. Переводчики высказывали серьезные опасения по поводу своего доношения: «Но как Вали-хан, а особливо ево подвласные устраивали меня ежели я доносить буду, хотели меня убить, чево боясь, я по сие время и молчал» [29, с. 716].

А в доношении старшины Кулбека генералу-майору Боулеру от 30 ноября 1792 г. в Петропавловскую крепость, говорится, что Уали хан «начал обращаться со своими подвластными против долгу, присяги и чинимой клятвы. Совсем иначе и нимало не похоже на справедливость обладательной особы... и причиняют тем великий вред недовольно России» [30, с. 396, 397].

Таким образом, Уали хан вследствие поущения российской стороной грабежа степняков, игнорирования запросов о разбирательстве угонов скота, изъятия пастбищных угодий и несанкционированных построек крепостей и редутов предпринимал самостоятельные действия для решения возникших проблем на приграничных территориях. Воздвигаемые крепости нарушали маршруты кочеваний степняков, не допускали на территорию захоронения предков и позволяли заселяться на занятые территории русским переселенцам.

Один из разведчиков, Ахмет Шабаев, также собирал секретные сведения для царизма о внутреннем состоянии ханства Уали, проникая под видом представителя калмыцкой знати. В его докладе генералу Штрэндману 12 января 1794 г. подробно и ясно доводится следующая информация: «Прошлого 1793 года в мае месяц отправивших я отсюда излагаю с данным от его высокопревосходительства господину генерал поручика и кавалера Густава Густавовича Штрэндмана паспортам в киргизскую степь по причине, что слышно было что Вали-хан будет собирать родных салтанов и старшин для какого то приказано мне было разведать в чем их совету состоять будет и что они наконец рассудят» [31, с. 41].

Колониальная администрация подхватывала недовольство некоторых представителей казахской знати, имевших претензии на ханство. В частности, ими были организованы доносы и клязумы на Уали хана, за ведение излишне самостоятельной политики, когда он не испытывал большого пиетета к Российской империи. Менее гибкая политика Уали хана вызывала открытое недовольство местной знати, которые желали блюсти и свои личные интересы в отношениях с Российской империей. Их заявления зачастую апеллировали тем, что хан удерживает у себя подданных Российской империи, также угоняет скот россиян. Иногда законную по степным законам барымту россияне преподносили как обычную кражу скота, используя его в качестве предлога для дискредитации хана Уали. Ведь по-разному понимали угон скота в виде барымты россияне и степняки. Бывшая достойным и даже доблестным деянием в среде казахского общества, барымта квалифицировалась законодательством Российской империи как особо тяжкое преступление. Подобные жалобы в колониальную администрацию доносились с целью дальнейшего смещения Уали хана и занятия его места [32, с. 275].

Для кочевников барымта была легитимным правовым обычаем, для восстановления справедливости, чести и возмездия. Барымта — «то, что является моим долгом» [32, с. 363]. В связи с этим становится более ясным и прозрачным неоднократное повторение в жалобах соперников хана Уали об угоне скота. Доносители выражали свое недовольство хану и открыто грозили неповиновением. Барымта выступала со стороны хана своего рода как «акт самосуда, когда другие решения считаются несостоятельными, с конечной целью нанесения ответного удара и поддержания личной и клановой чести» [32, с. 363].

Имеются редкие документы о волнениях в Среднем жузе, когда хану Уали не удавалось обеспечить спокойствие в Степи. Это можно усмотреть из письма полковника Шпрингера в адрес генерала Г.Г. Штрандмана от 10 августа 1794 г.: «Со времени вступления моего командования пограничными — Новоишимской, Тарской и Тобольской линиях я усмотрел, что Среднего жуза киргизкайсацкий народа живет в великом между собою волнении и что власть поставленного монаршею рукою хана Уали не в состоянии обуздать буйства их своеволия» [33, с. 26]. В этих условиях Российская империя пыталась получить свои выгоды и преференции. В частности, она была нацелена организовать свободную разработку рудников и вывоз сырья. Во-вторых, организовать международную торговлю с выходом на государства Средней Азии. В-третьих, прекратить хищения россиян жителями казахской степи.

Искусственное поддержание разногласий и контроль вспышек недовольства подготовили почву для хорошо спланированного и спрогнозированного коллективного прошения султанов и старшин Средней орды непосредственно у Горькой линии в 1795 г. о переходе в прямое подчинение Российской империи из-под власти Уали хана. В 1798 г. началась вторая волна (*первая была в 1788 г.* — Авт.) переселения казахов на правый берег Иртыша. Процесс усиления раздробленности проходил на фоне перевода казахской знати на «довольствие».

В то же время царизм удачно и умело использовал систему выделения жалования ханам и султанам, с целью их приручения и последующего легкого подчинения. Вот некоторая информация о размерах годового жалования степной элиты: бригадир Ушев в своем письме в адрес генерал-майора Штрандмана от 1 февраля 1790 года открыто пишет о размерах годового жалования Уали хана: «Присланные при повелении от вашего превосходительства возвращенные суммы вместо отданного за долг Касимовским мурзам Якуп и Темир-булату Вали ханшего жалования 300 рублей» [33, с. 140].

В сообщении полковника Матвеева генералу Штрандману 23 декабря 1790 г. приводятся ценные сведения о размерах совокупного годового жалования двух высокопоставленных политических персон приходящего в упадок Казахского ханства — Уали хана и Султанмаммет султана. Если Абылай хан получал годовое жалование размером в 300 рублей (*а в одно время и 600 рублей.* — Авт.), то его сын Уали в 2 раза меньше — 300 рублей, Султанмаммет получал 150 рублей, то есть 2 раза меньше, чем Уали [34, с. 3]. Эту градацию по годовому жалованию можно и объяснить: Абылай в 1771 г. был утвержден царизмом в звании хана Среднего жуза, но он (*царизм.* — Авт.) не мог не видеть, что его избрали представители трех жузов в качестве общеказахского хана и поэтому он был «посажен» на более высокую оплату. А его сын Уали, правда, утвержденный ханом одного только Среднего жуза, получал всего лишь 300 рублей, так как царизм также видел, что его власть практически не простиралась за пределы одного Среднего жуза. Однако назначение жалования сыну Уали хана — Габбасу свидетельствовало о признании Российской империей права наследника хана, к тому времени уже имевшего патент наследника казахского престола и титул гуна, дарованный императором Цинской империи.

Многие представители казахской знати получали жалованье от царского правительства. Помимо жалованья, Средний жуз постепенно переходил на более частые продовольственные поставки из империи. Царизм не скупился на подарки, жалованье в денежном эквиваленте и в виде хлеба. В степь заказывались мука, сено, в том числе привозили по просьбам «промышленных людей» для ловли рыбы, бобров и выдр рыболовные сети, стекла для дома, лекарства, чай, перец, бумагу различные ткани и многое другое.

К двадцатым годам XIX столетия Российская империя подготовила почву для отмены ханской власти в Казахстане. К этому моменту у царизма уже имелись веские на то основания и были созданы некоторые предпосылки. Предпринимались меры по усилению дискредитации казахских ханов в глазах большинства населения степи. Назначение ханов царизмом в значительной степени понижало уважительное и доброжелательное отношение номадов к своим правителям. Они воспринимались зачастую как марионетки Российской империи, причислялись к чиновникам. К тому же многие влиятельные и имевшие вес в среде номадов правители уже были в преклонном возрасте и несколько одряхлели, почему не представляли опасности для царизма. Царизм проводил свою далеко идущую политику, выдвигая слабых, отстраняя сильных правителей. К примеру, в противовес правившим казахским ханам, и обходя степные традиции избрания ханов, царизм самовольно назначал своих ханов: в Младшем жузе на правобережье Яика (Урал) был назначен хан Бокей в 1812 г.; в Среднем жузе в 1815 г. был назначен второй хан Бокей при действующем правителе — Уали хане. Выбор царизмом не имевших авторитет среди населения ханов формировало их отрицательный образ и, как следствие, вызывало негативное к ним отношение. В совокупности все эти факторы ослабляли власть ранее влиятельных и уважаемых казахских правителей. Существование мощного института ханской власти не позволяло Российской империи вести колониальную политику так стремительно, как она на то рассчитывала. В связи со сказанным выше, после смерти хана Бокея, а в скором времени и хана Уали царское правительство перешло к активной фазе ликвидации ханской власти, Александр I утвердил «Устав о сибирских киргизах». Несмотря на то, что Уали хан предпринял все возможное для сохранения и поддержания добрососедских отношений с империями, все необходимые меры по закреплению и передачи ханской власти преемнику (в том числе титул гуна от Цинской империи) — с его смертью не осталось сдерживающих факторов.

Сын и преемник Абылай хана Уали правил Средним жузом более чем продолжительный период. Время правления Уали хана было одно из самых продолжительных среди среднеазиатских правителей. При этом недовольство казахских султанов его правлением за 40 лет было замечено только в 1795 г.

В целом, эта поистине историческая личность мало изучена и на сегодняшний день представления о нем совершенно размыты. Тем не менее старший сын Абылай хана, Уали, в свое время был избран ханом и правил почти 40 лет, оставив заметный след в истории Казахстана. Думаем, что реализация программы «Архивы – 2025» поможет нам найти новые сведения из жизнеописания этой непростой исторической личности.

Список литературы

- 1 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: [В 5-ти т.]. — 2-е изд. / Ч.Ч. Валиханов; под ред. А.Х. Маргулана. — Алма-Ата: Гл. ред. Казах. сов. энцикл., 1985. — Т. 4. — 461 с.
- 2 Ерофеева И.В. Символы казахской государственности (позднее средневековье и новое время) / И.В. Ерофеева. — Алматы: Аркаим, 2001. — 152 с.
- 3 Абуев К.К. Хан Абылай и его время / К.К. Абуев. — Астана: Елорда, 2006. — 304 с.
- 4 Бекмаханов Е.Б. Об основных вопросах периодизации истории Казахстана / Е.Б. Бекмаханов // Изв. АН КазССР. — 1948. — № 49. — С. 31–43.
- 5 Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках / К.Ш. Хафизова. — Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. — 480 с.
- 6 Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 1: (V в. до н. э. – XVII в. н. э.). — 2-е изд. / под ред. С.Д. Асфендиярова, П.А. Кунте. — Алматы: Казахстан, 1997. — 383 с.
- 7 Исторический архив Омской области (ИАОО). — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 169. — Л. 392–394.
- 8 ИАОО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 170. — Л. 146.
- 9 ИАОО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 190. — Л. 672–672.
- 10 Государственный архив города Нур-Султан (ГАГН). — Ф. 430. — Оп. 4. — Д. 32. — Л. 12.
- 11 ГАГН. — Ф. 430. — Оп. 4. — Д. 32. — Л. 15, 16.

- 12 ИАОО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 226. — Л. 56, 57.
- 13 Кабульдинов З.Е. Султанмамет: государственный деятель, дипломат и батыр / З.Е. Кабульдинов. — Алматы: Литера-М, 2018. — 304 с.
- 14 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: [В 5-ти т.]. / Ч.Ч. Валиханов; под ред. А.Х. Маргулана. — Алма-Ата: АН КазССР, 1961. — Т. 1. — 777 с.
- 15 Цинская империя и Казахское ханство. Вторая половина XVIII – первая треть XIX века: [В 2-х ч.]. / К.Ш. Хафизова, В.А. Моисеев. — Алма-Ата: Наука, 1989. — Ч. 2. — 210 с.
- 16 ГАГН. — Ф. 430. — Оп. 4. — Д. 32. — Л. 16.
- 17 История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков: [В 10-ти т.]. / под ред. И.В. Ерофеевой, Б.Т. Жанаева. — Алматы: Дайк-Пресс, 2007. — Т. 6. — 516 с.
- 18 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). — Ф. 122. — Оп. 122/3. — Д. 3. — Л. 2–13.
- 19 История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): [В 5-ти т.]. / под ред. К.С. Алдажуманова, М.Х. Асылбекова, Ж.К. Касымбаева, М.К. Козыбаева. — Алматы: Атамұра, 2000. — Т. 3. — 768 с.
- 20 Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое: [В 50-ти т.]. / под ред. М.М. Сперанского. — СПб.: II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. 21. — 1083 с.
- 21 История Казахстана в документах и материалах: Альманах: В 3-х т. / под ред. Л.А. Абдирасилова, Б.Т. Жанаева, Г.Т. Исахана. — Караганда: ПК «Экожан», 2013. — Т. 3. — 496 с.
- 22 АВПРИ. — Ф. 122. — Оп. 122/3. — Д. 3. — Л. 9.
- 23 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 60. — Л. 60–221.
- 24 РГАДА. — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 60. — Л. 217.
- 25 РГАДА. — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 60. — Л. 84.
- 26 Касымбаев Ж.К. История города Семипалатинск (1718–1917) / Ж.К. Касымбаев. — Алматы, 1998. — 276 с.
- 27 АВПРИ. — Ф. 122. — Оп. 122/1. — Д. б/н. — Л. 1–38.
- 28 ИАОО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 43. — Л. 216.
- 29 ИАОО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 262. — Л. 716.
- 30 ИАОО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 113. — Л. 396–397.
- 31 ИАОО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 268. — Л. 41.
- 32 Мартин В. Барымта: Обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи / В. Мартин // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / [Пол В. Верг, П. Кабытов, А. Миллер и др.]; под общ. ред. О. Леонтьевой, М. Долбилова. — М.: Новое издательство, 2005. — С. 360–391.
- 33 ИАОО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 267. — Л. 26.
- 34 ИАОО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 256. — Л. 140.

З.Е. Кабульдинов, А.Р. Бейсембаева

Уали ханның өмірі мен қайраткерлігінің кейбір сәттері

Қазақстан тарихының тұтас дәуірі Абылай ханның мұрагері Уали ханның есімімен байланысты. Ол Орта жүздің Ресей империясы мен Қытай ресми түрде мойындаған соңғы билеушісі болды. Уали хан көрнекті тұлға ретінде үлкен қызығушылық туғызады. Өкінішке орай қазіргі таңда ғылыми әдебиетте Уали ханның өмірі мен қайраткерлігі туралы тек кішігірім сәттері ғана берілген. Ол туралы белгілі жұмыстардың барлығы тек эпизодтық сәттерін бейнелейтін негізінен мақалалық сипатта жазылған еңбектер. Отандық тарих ғылымындағы бұл мәселе аз зерттелгендіктен әрі қарай іргелі зерттеулерді қажет етеді. Мақалада авторлар архив деректеріне сүйеніп Уали ханның өмірі мен қайраткерлігінің кейбір аспектілерін ашуға тырысады. Ел ғалымдарының арасында Орта жүздің соңғы ханының әлсіздігі мен біліксіздігі туралы пікір басым болып отыр, ол көшбасшылық және әскери қасиеттерді, шешеннің және дипломаттың шеберлігін көрсете алмады. Алайда, Уәли өмірінің кейбір аз белгілі фактілері билеушінің бір жоспарлы бейнесін көруге мүмкіндік береді. Мақалада авторлар Уәли ханның өмірі мен қызметінің кейбір аспектілерін жаңа мұрағат көздеріне сүйене отырып, қайта қарауға және толықтыруға әрекет жасаған. Жаңа тарихи деректерді зерделеуге байланысты осы тарихи тұлға туралы бұрын белгілі саны аз деректер қайта қаралған. Дерек көзде ретінде авторлар 2018–2019 жылдары құпиясыздандырылған мұрағаттық материалдарды пайдаланған.

Кілт сөздер: Абылай хан, Уали хан, Орта жүз, Қазақстан тарихы, XVIII ғасыр, сұлтандар, Ресей империясы, Цин империясы, дипломатия.

Z.E. Kabuldinov, A.R. Beisembayeva

Some aspects from life and activities of Khan Uali

A whole era of the history of Kazakhstan is associated with the name of Uali Khan, the successor of Ablay Khan. He became the last ruler of the Middle Zhuz, officially recognized by both the Russian Empire and Qing dynasty. Uali Khan is of great interest as a prominent historical figure. Unfortunately, at present, the life and work of Uali Khan in the available scientific literature is reflected only in individual episodes and fragments. All known works about him are episodic, fragmentary, and to a greater extent — of an article character. This problem is poorly studied in domestic historical science. Therefore, this problem requires further basic research. In this article, the authors attempted to study some aspects of the life and work of Uali Khan, relying on new archival sources. Among the scholars of our country, the prevailing opinion is the personal weakness and incompetence of the last Khan of the Middle Zhuz, allegedly he was not able to show leadership and military qualities, the virtuosity of a speaker and diplomat. However, some little-known facts from the life of Uali allow us to see a not so unified plan of the ruler. In this article, the authors attempted to revise and supplement some aspects of the life and work of Uali Khan, relying on new archival sources. The previously known small data on this historical figure are reviewed in connection with the discovery and study of new historical sources. As sources, the authors used archival materials, including declassified in 2018–2019.

Keywords: Ablay Khan, Uali Khan, Middle Zhuz, the history of Kazakhstan, 18th century, Sultans, Russian Empire, Qing dynasty, diplomacy.

References

- 1 Valikhanov, Ch.Ch. (1985). *Sobranie sochinenii [Collected works]*. A.Kh. Margulan (Ed.). (Vols. 1–5). Alma-Ata: Hlavnaia redaktsiia Kazakhskoi sovetsoi ensiklopedii [in Russian].
- 2 Erofeeva, I.V. (2001). *Simvoly kazakhskoi hosudarstvennosti (pozdneye srednevekovye i novoe vremia) [Symbols of Kazakh statehood (late Middle Ages and modern times)]*. Almaty: Arkaim [in Russian].
- 3 Abuev, K.K. (2006). *Khan Abylai i ego vremia [Khan Abylai and his time]*. Astana: Elorda [in Russian].
- 4 Bekmakhonov, E.B. (1948). Ob osnovnykh voprosakh periodizatsii istorii Kazakhstana [On the main issues of periodization of the history of Kazakhstan]. *Izvestiia Akademii nauk KazSSR — Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR*, 49, 31–43 [in Russian].
- 5 Khafizova, K.Sh. (2019). *Stepnye vlastiteli i ikh diplomatiia v XVIII–XIX vekakh [Steppe rulers and their diplomacy in the XVIII–XIX centuries]*. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK [in Russian].
- 6 Asfendiyarov, S.D., & Kunte, P.A. (Eds.). (1997). *Proshloe Kazakhstana v istochnikakh i materialakh. Sbornik 1: (V v. do n. e. — XVII v. n. e.) [The past of Kazakhstan in sources and materials. Collection 1: (V century B.C. — XVII century A.D.)]*. Almaty: Kazakhstan [in Russian].
- 7 *Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IAOO)[Historical archive of the Omsk region]*. F. 1, Op. 1, D. 169, L. 392–394 [in Russian].
- 8 *IAOO*, F. 1, Op. 1, D. 170, L. 146 [in Russian].
- 9 *IAOO*, F. 1, Op. 1, D. 190, L. 672–672 [in Russian].
- 10 *Hosudarstvennyi arkhiv horoda Nur-Sultan (GAGN) [State archive of the city of Nur-Sultan]*, F. 430, Op. 4, D. 32, L. 12 [in Russian].
- 11 *GAGN*, F. 430, Op. 4, D. 32, L. 15–16 [in Russian].
- 12 *IAOO*, F. 1, Op. 1, D. 226, L. 56–57 [in Russian].
- 13 Kabuldinov, Z.E. (2019). *Sultanmamet: hosudarstvennyi deiatel, diplomat i batyr [Sultanmamet: statesman, diplomat and batyr]*. Almaty: Litera-M [in Russian].
- 14 Valikhanov, Ch.Ch. (1961). *Sobranie sochinenii [Collected works]*. A.Kh. Margulan (Ed.). (Vols. 1–5). Alma-Ata: AS of Kazakh SSR [in Russian].
- 15 Khafizova, K.Sh., & Moiseev, V.A. (1989). *Tsinskaia imperiia i Kazakhskoe khanstvo. Vtoraia polovina XVIII — pervaiia tret'ia XIX veka [The Qing Empire and the Kazakh Khanate. The second half of the 18th — the first third of the 19th century]*. K.Sh. Khafizova, V.A. Moiseev (Ed.). (Vols. 1–2). Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 16 *GAGN*, F. 430, Op. 4, D. 32, L. 16 [in Russian].
- 17 Erofeeva, I.V., & Zhanaeva, B.T. et al. (Eds.) (2007). *Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov [The history of Kazakhstan in Russian sources of the XVI–XX centuries]*. (Vols. 1–10). Almaty: Daik-Press [in Russian].
- 18 *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI). [Archive of the foreign policy of the Russian Empire]*. F. 122, Op. 122/3, D. 3, L. 2–13 [in Russian].
- 19 Aldazhumanov, K.S., Asylbekov, M.Kh., Kasymbaev, Zh.K., & Kozybaev, M.K. (Eds.). (2000). *Istoriia Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei) [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day)]*. (Vols. 1–5). Almaty: Atamura [in Russian].
- 20 Speranskiy, M.M. (Ed.). (1830). *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collecting One]*. (Vols. 1–50). Saint Petersburg: II Otdelenie Sobstvennoi Eho Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii [in Russian].

- 21 Abdirasilov, L.A., Zhanaev, B.T., & Isakhan, G.T. (Eds.). (2013). *Istoriia Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Almanakh [History of Kazakhstan in documents and materials: Almanac]*. (Vols. 1–3). Karaganda: PK «Ehkozhan» [in Russian].
- 22 AVPRI, F. 122, Op. 122/3, D. 3, L. 9 [in Russian].
- 23 Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RHADA) [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 24, Op. 1, D. 60, L. 60–221 [in Russian].
- 24 RHADA, F. 24, Op. 1, D. 60, L. 217 [in Russian].
- 25 RHADA, F. 24, Op. 1, D. 60, L. 84 [in Russian].
- 26 Kasymbaev, Zh.K. (1998). *Istoriia horoda Semipalatinsk (1718–1917) [History of the city of Semipalatinsk (1718–1917)]*. Almaty [in Russian].
- 27 AVPRI, F. 122, Op. 122/1, D. b/n., L. 1–38 [in Russian].
- 28 LAOO, F. 1, Op. 1, D. 43, L. 216 [in Russian].
- 29 LAOO, F. 1, Op. 1, D. 262, L. 716 [in Russian].
- 30 LAOO, F. 1, Op. 1, D. 113, L. 396–397 [in Russian].
- 31 LAOO, F. 1, Op. 1, D. 268, L. 41 [in Russian].
- 32 Martin, V. (2005). Barymta: Obychai v hlazakh kochevnikov, prestuplenie v hlazakh imperii [Custom in the eyes of nomads, a crime in the eyes of the empire]. *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiiia — Russian Empire in Foreign Historiography. Recent works: Anthology*. O.Leontevoj, M. Dolbilova (Eds.). Moscow: Novoe izdatelstvo [in Russian].
- 33 LAOO, F. 1, Op. 1, D. 267, L. 26 [in Russian].
- 34 LAOO, F. 1, Op. 1, D. 256, L. 140 [in Russian].